

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию М.К. Юрасова «Венгрия и русские княжества в XII века»,

представленную на соискание ученой степени доктора исторических наук

Читая диссертацию, посвященную средневековой истории Венгрии и Руси, основанной на детальном анализе многочисленных источников на древнерусском, латинском, среднегреческом, южнославянском, средневековом немецком и др. языках, научной литературы на венгерском, других европейских, в т.ч. славянских языках, я вспомнил академическую категорию *Orchideendisziplin*, о которой узнал почти сорок лет тому назад, уехав на годичную стажировку в Институт византиноведения в Мюнхене. «Орхидеиной дисциплиной там коллеги называли научную отрасль, требующую многосторонних глубоких знаний, весьма трудоемкую и потому насчитывающую сравнительно мало своих служителей, часто исчисляемых единицами. Это относилось тогда как раз к византинистике, отдельным раритетным областям востоковедения, даже кельтологии и мезоамериканистике. Оглядываясь сейчас на научный мир вокруг, понимаешь, что к этой категории пора причислять и угромедиевистику.

Я еще помню, когда сюда, на Дм. Ульянова, 19, приезжали венгерские профессора Антал Барта, Марта Фонд и другие – выступали с докладами по венгерской истории в общеевропейском контексте. Доклады вызывали живой интерес, активную дискуссию, стимулировали занятия диковинным языком и мажарскими древностями. Несомненно, привлекало в такие дни на заседания то, что в одном здании вместе работали специалисты смежных, но все-таки разных институтов (В.П. Шушарин, В.Т. Пашуто, А.П. Каждан и др.), что в наши дни угромедиевистика становится редким и нежным цветком, словно орхидея.

Требования к исследованиям проблем венгерского средневековья, да еще в связи с процессами соседних, да и более отдаленных, народов и государств Европы, прекрасно продемонстрированы в рецензируемой диссертации. Историк международных отношений Венгрии и Руси, даже ограниченных временными рамками правления Арпадов и Рюриковичей, должен привлечь огромное число разноязычных и разноплановых материалов источников, обладать методикой сравнительного анализа текстов, как современных событий, так и отстоящих хронологически (например, Никоновский свод), не просто знать содержание памятников прошлого, доступных (хотя все еще не всех и не всегда!) в переводах, но быть способным анализировать иноязычную древнюю терминологию, трактовать значение тех или иных свидетельств источников – древнерусских ли, латинских ли, греческих ли, вступать в полемику с коллегами, публикующимися не только на русском или венгерском, но и на многих других языках, улавливая при этом тонкое направление дискуссии.

Сразу хочу сказать, что автор рассматриваемой работы «Венгрия и русские княжества в XII в.» – Михаил Константинович Юрасов с поставленными задачами успешно справился. Диссертация посвящена коренной проблеме истории русско-венгерских взаимоотношений, определившей дальнейший ход порой сложного и неоднозначного партнерства – взаимодействиям и столкновениям эпохи Арпадов и

Рюриковичей. Диссертант скрупулезно, шаг за шагом анализирует сохранившиеся в различных, нередко противоречащих один другому, свидетельствах обстоятельства развития двусторонних, а чаще в контексте многосторонних, отношений. При этом постоянно в поле зрения исследователя находятся не только Русь и Венгрия, но и немецкий, византийский, норманнский, сербский и болгарский и т.п. факторы. Источниковедческий анализ естественно сопровождается историографическим, а также, когда нужно, лингвистическим, этно-политонимическим, конфессиональным и пр.

Отмечу отсорожность автора в вердиктах по поводу спорных или неясных проблем идентификации исторических персонажей, вопросов оценки той или иной акции, а также гипотетически реконструируемых событий. Вместе с тем, те выводы, к которым приходит автор, как в работе в целом, так и в частных моментах – в главах и разделах – они четко сформулированы, убедительны и, как правило, достоверны.

Позволю себе не пересказывать содержание диссертации: это прекрасно сделал сам исследователь в автореферате, изложив основные положения, задачи и выводы работы. Укажу лишь на основные моменты работы, получившие в результате появления настоящего исследования статус научной истины.

Во-первых, на современном уровне, на основе анализа практически исчерпывающего объема исторических свидетельств восстановлена канва произошедших событий в истории русско-венгерских взаимоотношений.

Во-вторых, раскрыты проблемы генезиса, формирования и развития двусторонних отношений в контексте многофакторной международной политики, династических связей и отторжений, межконфессиональных проблем, вопросов этнических миграций, союзов и экономических акций.

В-третьих, решены многочисленные проблемы интерпретации описаний, терминологии, характеристик средневековых хронистов, риторов, полемистов, свидетельствующих об изучаемых событиях, уточнены важнейшие их датировки.

В-четвертых, утверждены методические принципы работы современного исследователя с различными типами и видами разноязычных и разножанровых источников.

В-пятых, дезавуированы многочисленные исторические мифологемы по теме работы.

В-шестых, в целом можно считать, что мы имеем теперь фундаментальный труд, раскрывающий значение венгерского, даже шире – центральноевропейского фактора в отечественной истории средних веков.

Работа является самостоятельным оригинальным исследованием, обобщающим многоплановый материал и приводящим читателя к интересным выводам.

Как и при чтении каждой работы, особенно основанной на интерпретации средневековых источников, неизбежны вопросы, замечания, поправки. Остановлюсь на нескольких, особенно близких моей сфере.

Начну с историографии. В принципе, автор свободно владеет историографией и прекрасно демонстрирует свои оценки работ предшественников. Однако есть досадные лакуны. Почему-то в начальном очерке не нашлось места Д.А. Росовскому, хотя в тексте диссертации он упомянут в связи, естественно, с кочевой темой. Еще более удивительно отсутствие упоминания имени и работ основоположника венгерского византиноведения Д. Моравчика, свод которого «*Byzantinoturcica*» остается научной классикой до сих пор, а обращение диссертанта к нему (своду) помогло бы в ориентации в византийских материалах. Остается «за скобками» и А. Барта и ряд других его венгерских коллег. Предвижу объяснение, что диссертация сосредоточена на современном состоянии науки, а работы середины – третьей четверти XX в. – уже «давно прошедшее» время. Пусть так. Но и тут удивляет отсутствие внимания к публикациям текста А.В. Назаренко, исследовательские работы которого М.К. Юрасовухорошо известны и рассматриваются в работе. Но дополнили бы картину книги, публикации А.В. Назаренко: «Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв.» (о Деяниях венгров и др.) и особенно «Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. 4: Западноевропейские источники», где помимо ряда использованных в диссертации источников изданы переводы «Деяний венгров» Шимона Кезаи и «Хроникального свода» XIV в., содержащих материалы по исследуемой теме (впрочем, «Хрестоматия» упомянута в одной из сносок работы).

В оценках тех или иных работ предшественников также могут быть коррективы. Так, высоко оценены «Очерки по истории русско-византийских отношений» М.В. Левченко, но ушло от внимания, что там целыми страницами порой «заимствованы» разделы без ссылок, кавычек и указаний на первоисточники (так, например, в ткань книги М.В. Левченко «вплелась» статья В.А. Мошина «Русские на Афоне...»). И напротив, вряд ли Н.Ф. Котляр заслуживает только оценки, что не написал «ничего нового» по сравнению с предшественниками. Кстати, из М.В. Левченко попадает в текст диссертации (с. 121) категорическое понимание термина *υπόσπονδος* (в связи с Владимиром Володаревичем) как «вассал» у Иоанна Киннама. Правда, это единственный случай подобной атрибуции: неоднократно термин корректно указан как «подданный союзник». Решать же эту проблему следует, конечно, апеллируя (с. 444, прим. 1501) не столько к гимназическому словарю Вайсмана (хорошему в целом), как это у диссертанта, а или к современному электронному *Thesaurus Linguae Graecae* (TLG), или к научной литературе (принципиально вопрос решен Г.Г. Литавриным на византино-болгарском материале). Русско-византийский материал показан в первом томе моей «*Byzantinorossica*» (М., 2004. С. 723).

Труд Иоанна Киннама цене нам не столько тем, что в нем отражен период наивысшего расцвета Византии (после Юстиниана)», как сказано в диссертации, сколько в том, что «История» Киннама (а отнюдь не «Всемирная хроника», как неточно на сс. 74-45) является произведением современника и участника событий, каковым был императорский секретарь, сопровождавший императора в походах и дипломатических акциях, Иоанн Киннам.

Объяснение того, что Борис назван в источнике славянским термином «краль», вызвано не тем, что «Византия не скупилась на знатные титулы для поддерживаемых ими представителей правящих династий соседних народностей» (с. 264), а компетентностью Киннама и пристрастием использовать иноязычную терминологию, к которой относится южнославянский «краль». Сама мысль о знатных титулах верна, но это касается

византийских титулов, адресуемых иноземным династам, как, например, севаст, архонт, эксусиарх и т.п.

Ряд замечаний к анализу т. наз. «исторических стихотворений» (ни разу так не названных) Феодора Продрома (с. 352 и сл.). Многое здесь повторяется вслед за Ф. Макком и нуждается в коррекции. Прежде всего, неверно в свете современных исследований указаны годы жизни Продрома: не «между 1070/75 – ок. 1153», как на с. 372, повторение принятой Ф. Макком и другими давней (1905 г.) датировки С.Д. Пападимитриу, а ок. 1110 (плюс-минус 4 года) – ок. 1170/79 (см. мою «Byzantinorossica», I, с. 460-465). М. К. Юрасов рассматривает Стихотворение на Рождество 1149 г., в котором речь идет «о византийско-сербской войне ... , великом сербском архиэпаномах, располагавшем союзными венгерскими отрядами». Это, по современному счету издателя и исследователя В. Хэрэнднера (W. Hörandner. Theodoros Prodromos. Historische Gedichte. Wien. 1974), XXX-е историческое стихотворение (где в стихах 120-330 (S. 353-358) идет речь о данном событии. Но на самом деле об этом и близких по времени речь у Продрома идет еще в трех произведениях - №№ XXXI (гимн для димов на Рождество 1149/Богоявление 1150 гг.), XXXII (Рождественский гимн) и XXXIII (на Богоявление). Там события угро-сербской кампании (ст. 207) рассматриваются в связи с борьбой одновременно на другом театре военных действий – с сицилийскими норманнами.

Кстати, могу добавить еще одно произведение из этой же серии у Феодора Продрома: это стихотворение I, 1122 г., «На венчание на царство (в качестве соправителя) Алексея Комнина – сына императора Иоанна II Комнина», где также фигурируют «Дукляне», «Даки», «Далматы», «Гунны и Паннонцы» (ст. 98), где под первыми тремя подразумеваются сербы и другие югославянские протагонисты, а под последними – венгры.

Несколько слов по поводу речи Михаила ритора, племянника или родственника Солунского митрополита (не путать с другим Михаилом ритором – т. наз. «Анхиальским»). Этот памятник был открыт и привлечен для изучения событий середины XII в. не Ф. Макком, как считает автор диссертации (с. 385 и сл.), а первым ее издателем – В.Э. Регелем, датировавшим ее 1155 г. Как свидетельство венгеро-византийской войны этот панегирик в честь Мануила Комнина использован Д. Моравчиком (Byzantinoturcica. I. S. 347). Датировка не решается простым отсчетом четырех лет от 1150 г., чтобы передатировать войну 1154 г., как это сделал Ф. Макк. Скорее прав в итоге своих рассуждений диссертант: «Вопрос о датировке времени рассматриваемого похода остается открытым» (с. 386). Вот это верно! Эта речь сейчас датируется временем после 1155 г., а скорее даже после 1158 г. (см. у меня: Byzantinorossica I. С. 347).

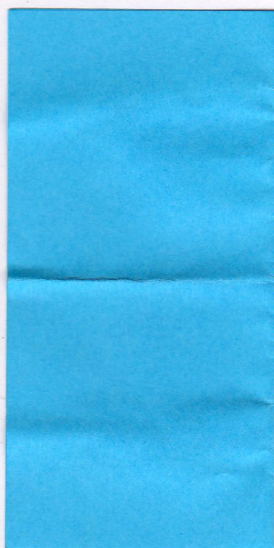
Приходилось писать и о первой речи того же ритора, датируемой сейчас 1153 г. (помимо указ. соч.. см. в сборнике «Риторика: Теория. История. Практика» М., 2017. С. 137), где речь идет о целом комплексе политических отношений в Венгрии, Руси и Византии в середине XII в.

Желая «примирить» позиции Киннама и Никиты Хониата исследователь считает, что «они пишут о разных походах» (с. 388). Нет, они пишут об одном, причем Никита вслед за Киннамом, но – по-разному.

Конечно, работа не лишена опечаток (с. 513: «суверинет» вместо «сюзеренитета»), технических оплошностей (на с. 460 вдруг появляется новая нумерация «22-25» отсутствующих сносок (?!)); хорошо было бы снабдить работу картами. Но все это может быть восполнено при подготовке диссертации к публикации в виде монографии, выход в свет которой, на мой взгляд, является очень желательным.

В итоге могу резюмировать, что диссертация М.К. Юрасова на тему «Венгрия и русские княжества в XII в.», представленная на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история, является законченным, оригинальным и глубоким исследованием, решающим поставленные задачи и отвечающим всем требованиям, предъявляемым к такого рода работам в соответствии с п. 9 Положения о присуждении ученых степеней. Текст диссертации соответствует специальности 07.00.02 (Отечественная история), ее основные положения и выводы отражены в публикациях, в т.ч. в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК. Сам соискатель достоин присуждения ему ученой степени.

20 марта 2018 г.

М.В. Бибики
М.В. Бибики

доктор исторических наук

(специальность 07.00.03.

Всеобщая история (Средние века))

профессор

Бибики Михаил Вадимович

Главный научный сотрудник

Института всеобщей истории РАН

119991 Москва, Ленинский просп., 32а

тел. +7-495-938-19-08

E-mail: mbibikov@mail.ru

М.В. Бибики не является членом Экспертного совета ВАК.